

ЕЛЕНА ЭЙХЕН

ЭЛА ЗАВЕЙСКАЯ

МЕТКА ТЁМНЫХ ПЕЩЕР

ВЫБОР ИСТИННОЙ

18+

Елена Эйхен

**Метка тёмных пещер.
Выбор истинной**

«Автор»

2026

Эйхен Е.

Метка тёмных пещер. Выбор истинной / Е. Эйхен — «Автор»,
2026

Я бежала от мужа и спряталась в пещере. Но вместо спасения провалилась в другой мир — мир дроу, где на моей коже вспыхнула метка истинности короля. Теперь я обязана пройти смертельный отбор: доказать, что достойна стать его королевой. Или умереть. Вот только в момент появления метки я упала на пленного принца орков — и на его коже вспыхнула точно такая же. Два мира. Орк и дроу. Принц и король. И выбор, который может стоить мне жизни — если я, конечно, переживу отбор.

© Эйхен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Г	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Эйхен, Эла Завейская

Метка тёмных пещер. Выбор истинной

Пролог

*«Многие верят, что
первозданная Тьма вернулась в Бездну случайно. Но это не было
даром
богов; это была женищина, бежавшая от чудовища. Так история
нового
мира началась с крика той, что не хотела быть королевой».*
Из «Запретных свитков Третьей Эпохи».

***В моём роду королеву не выбирают. Ловят. А потом проверяют, что ей подходит:
корона или пепел.***

Обсидиан тронного зала пожирает свет. Пламя факелов бьётся у подножий колонн, но дальше не проникает. Тьма здесь хозяйка.

Стою перед Чашей Праматери. Древний артефакт вырастает из жилы чёрного камня, вросшей в пол задолго до первых дроу. По ободу бегут руны на мёртвом языке — жрицы давно забыли его. Я помню. Кровь Первого Дома хранит то, что остальные утратили.

За спиной — дыхание Матрон. Не оборачиваюсь. Чувствую каждую так же отчётливо, как сквозняки дворцовых тоннелей. Восемь Великих Домов. Шёлк парадных мантий шуршит при каждом вдохе. Серебряные пауки на воротниках мерцают в полумраке. Матроны ждут — терпеливо, как хищники у горла раненой добычи.

Рядом с каждой — дочь.

Прямые спины. Опущенные ресницы. Пальцы сплетены в ритуальном жесте смирения. Но я вижу, как подрагивают кончики ушей. Как пульсирует жилка на виске у младшей из Дома Зар'рет. Как наследница Вельт'рин стискивает пальцы до белых костяшек.

Каждая мечтает о короне. Каждая готова перешагнуть через сестёр.

Трон Первого Дома держится на пролитой крови — так повелось. Но сейчас враг другой. Магия уходит. Своды городов держатся на заклинаниях, вплетённых в камень тысячи лет назад. Руны тускнеют. В дальних тоннелях уже случаются обвалы.

Ритуал требует Королеву.

Когда Подземье слабеет, Владыка призывает к Чаше ту, в чьих жилах дремлет искра первозданной Тьмы.

Достаю кинжал. Лезвие из паучьей стали ловит блик факела. Провожу остриём по ладони. Кровь выступает тёмной полосой. Сжимаю кулак над Чашей.

Капля ударяет о дно — гулко, слишком громко для единственной капли. Будто камень рухнул в бездонный колодец.

Руны наливаются чернотой — такой густой, что обсидиан стен кажется серым. Из глубины поднимается тень. Клубится. Разворачивается. Выпускает нити.

Сотни призрачных нитей пронзают потолок, будто камня нет. Разлетаются сквозь породу, сквозь тоннели, сквозь пласты земли. Паутина Чаши не знает преград — ищет единственную душу, в которой спит крупица Тьмы.

Сдавленный вздох позади. Матроны выпрямляются. Дочери поднимают глаза. Каждая уверена — нить потянется к ней.

Уголок губ ползёт вверх.

Паутина найдёт. Чаша не ошибается. Подземье получит Королеву.

А я получу пешку.

Нити дрожат — и тянутся прочь. Наружу. В мир, о котором Матроны не подозревают.

Мой ход.

Глава 1

«Чаша Праматери не искала благородную кровь, она искала пустоту. И нашла её в той, чья душа была выжжена дотла на поверхности. Именно поэтому дроу получили правительницу, которую не ждали, но которую заслужили».

Из «Хроник Великих Домов», том II.

Я знала, что однажды он меня убьёт. Не знала только, как красиво он это обставит.

Дождь смывает тропу. Грязь налипает на ботинки. Подошвы скользят. Колено бьётся о торчащий корень — кора сдирает кожу. Вскрываю. Заставляю ноги двигаться. Склон уходит круто вверх. Воздух обжигает лёгкие. Вода заливает глаза.

На свадьбе он нёс меня через порог. Гости аплодировали. Я смеялась. А что происходит теперь?

Ветви хлещут по лицу. Кровь смешивается с дождём на щеке. Грудная клетка горит. Дыхание — хриплое, рваное — заглушает шум леса.

Внизу хрустят ветки. Шаги ломают подлесок. Муж идёт следом. Не торопится. Он обо- жает охоту. Особенно если жертва — я.

На эту базу приехали ради перемирия. Он арендовал шале, пригласил друзей.

— Попытка спасти брак, — сказал он гостям за ужином. Развёл руками. Улыбнулся так, что у женщин за столом дрогнули губы от умиления. — Она болеет. Я делаю всё, что могу.

Друзья кивали. Психотерапевт одобрил поездку. Все верят ему. Уважаемый инвестор. Благотворитель. Терпеливый муж со сложной женой.

Я знаю тяжесть его кулаков. Привкус крови во рту после каждого скандала. Наутро — цветы и признания. Справка для полиции о моём психическом состоянии. Он даже говорил: «Она не врёт, ей просто мерещится. Бедняжка. Я о ней позабочусь».

Я готовила побег месяцами. Спрятанные деньги. Маршруты. Ожидание.

Но он нашёл тайник. Вытряхнул купюры на стол. Аккуратно разгладил каждую.

— Ты думала, я не замечу? — Голос ровный. Почти ласковый. — Ты ведь знаешь, что не умеешь от меня прятаться.

Он привёз меня сюда для наказания. Глухой лес скроет крики. Горы спрячут улики.

Сегодня перешёл черту. Достал нож. Повертел в руках — словно примеряясь.

— Мне это не нравится. — Тихо, почти с сожалением. — Ты вынуждаешь меня.

Ваза попала ему в голову. Стекло разлетелось. Окно вылетело от удара стулом. Побежала в чашу. Теперь он не остановится. Конечно, если поймает.

Газеты напишут о трагическом случае. О болезни. О безутешном вдовце.

Луч фонаря разрезает мглу. Свет выхватывает стволы сосен. Скользит выше. Он при- ближается.

— Ки-и-ра... — Растягивает гласные. Смакует каждый слог. — Ну хватит. Ты же замёрзла. Иди ко мне. Я не злюсь. Слышишь? Уже не злюсь.

Пальцы впиваются в сырую землю. Ногти ломаются о камни. Ползу вверх. Деревья редеют. Впереди — скала. Гранит преграждает путь. Мокрая порода холодит ладони.

— Кира, там обрыв! — Забота в каждой ноте. Он бы убедил кого угодно. — Ты себе навредишь. Вернись. Поговорим.

Влево уходит узкий карниз. Подошвы скользят по мху. Между валунами — провал. Кар- стовая пещера. Вход — узкий, как щель. Протискиваюсь внутрь. Острый край рвёт плечо. Ткань трещит. Тело втягивается в расщелину.

Пещера дышит холодом. Стены смыкаются. Сырость проникает под одежду. Ужас гонит вперёд.

Снаружи — резкий свист.

— Хватит упрямиться.

Последнее слово обрывается эхом.

Пол уходит вниз. Вода капает со сводов, ладони скользят по стенам. Свет ещё проникает в щели — лучи цепляются за своды. Дальше. Глубже.

Тоннель сужается. Воздух густеет, запах гнили забивает лёгкие. За поворотом свет остаётся позади — абсолютная темнота. Руки вытягиваются вперёд. Камень под ботинками становится гладким. Скользким.

Шаг. Нога находит пустоту. Пальцы хватаются за край. Ногти скребут по камню. Влажный край выскальзывает. Рывок вниз. Поток ледяного воздуха бьёт в лицо. Тишина.

Воздух свистит в ушах. Тело готовится к удару — я жду хруста костей и конца.

Но скорость внезапно падает. Что-то подхватывает меня, замедляет падение, словно плотная волна принимает вес тела. Я опускаюсь на твёрдую поверхность. Колени бьются о камень, ладони стираются в кровь. Судя по высоте — могло быть хуже.

Жива.

Пытаюсь вдохнуть. Лёгкие горят. Сырой воздух пахнет плесенью и застоявшейся водой, спёртый дух подземелья оседает на языке. Глаза открыты, но темнота абсолютная. Под пальцами чавкает грязь, вода пропитывает остатки одежды, ткань липнет к коже. Холодно.

Приподнимаюсь на четвереньки. Мышцы дрожат. Ползу вперёд вслепую, то и дело вытягивая руку, — мне нужно найти стену, а лучше укрытие. Камни царапают колени.

Ладонь натывается на что-то твёрдое. Тёплое. Я отдёргиваю руку, теряю равновесие — колено съезжает по мокрому камню, и я заваливаюсь вперёд. Локоть впечатывается в чужую плоть. Подо мной вздымается грудная клетка. Грубая кожа, жар чужого тела, тяжёлый запах — всё обрушивается разом.

Раздаётся рык. Он заполняет пространство и проникает под мою кожу.

Подо мной — живое существо. Я чувствую это всем телом: грудная клетка вздымается и опадает, мышцы перекачиваются под кожей. Пальцы ведут по чужой плоти — гладкие борозды рубцов, грубые выступы сухожилий, размах плеч, который не помещается в человеческие мерки. Существо огромное. И оно приковано — металлические звенья лязгают о камень, цепи натягиваются со скрежетом.

Тело реагирует раньше разума. Пытаюсь скатиться — но пальцы смыкаются на моём запястье. Хватка каменная. Цепи лязгают от рывка. Я дёргаюсь — бесполезно. Он держит цепко. Вторая рука находит моё плечо, вдавливая вниз. Я распластана на его груди, придавлена к горячей коже. Слышу, как бьётся его сердце.

Замираю. Останавливаю дыхание. Муж научил меня этому — гнев хищника опасно провоцировать движением. Бегство гарантирует расправу. Превращаюсь в тень. Жду.

Существо дышит хрипло, принимает — шумно втягивает воздух прямо над моей макушкой. Горячее дыхание ворошит волосы. Я различаю запах: смесь пота, запёкшейся крови и дикой природы. Хочу уползти, но пальцы на запястье не разжимаются. Страх парализует тело.

И тут пространство вспыхивает.

Свет прорезает черноту, возникает из пустоты. Серебряная нить разрывает мрак и летит прямо на меня. Бьёт в грудь. Впивается под ключицу.

Боль разрывает плоть. Раскалённое железо проникает под кожу, огонь течёт по венам, кровь вскипает. Я кричу — горло саднит от собственного крика, но звук теряется в подземелье. Судорога скручивает тело. Пальцы цепляются за единственное, за что можно ухватиться — за него. Я вцепляюсь в его волосы и тяну изо всех сил.

Существо дёргается подо мной, цепи взрываются лязгом.

Общая вспышка связывает нас. Сияние заливает грот.

Сквозь боль я вижу его.

Кожа зелёного оттенка. Широкая грудь покрыта шрамами. Кандалы охватывают запястья, цепи уходят в стену. Нижняя челюсть выдаётся вперёд, острые клыки блестят в магическом свете. Он лежит на камнях подо мной — огромный, скованный. Жёлтые глаза распахнуты. Смотрит на меня снизу вверх.

Боль постепенно отступает. Что-то зудит под ключицей — я опускаю взгляд. Ворот разодран, и на коже светится выжженный след. Переплетённые линии, тонкие, как паутина, мерцают серебром.

Взгляд падает на его грудь. Там, где мои пальцы вмяли кожу, проступает такой же узор — серебряные нити расползаются по зелёной коже между шрамами.

Жёлтые глаза напротив меняются. Зрачки расширяются. Узник смотрит на мою руку, на светящийся след под ключицей. Переводит взгляд на свою ладонь — место нашего касания мерцает крошечными искрами. Шумный вдох. Горячий воздух касается моего лица.

Свет меркнет. Мрак возвращается. Жёлтые глаза продолжают гореть во тьме — но смотрят иначе. В них потрясение.

Я лежу на прикованном монстре. Грудь горит огнём. Кажется, я попала в ад.

— Кто ты?

Он заговаривает первым. Голос низкий, с хрипотцой. Язык как будто не наш, но смысл я понимаю.

— Я спрашиваю: кто ты?

Вопрос простой. Я открываю рот — и не нахожу ответа. Кто я? Женщина, которая час назад разбила вазу о голову мужа. Беглянка. Провалилась в дыру посреди пещеры и приземлилась на прикованного монстра — похожего на орка с картинок, только непозволительно красивого. На моей коже горит странная татуировка. Я, кажется, окончательно спятила.

— Не уверена, — выдавливаю наконец. Голос срывается на шёпот. — Где я? Что происходит?

Молчание. Его грудь подо мной вздымается и опадает — размеренно, тяжело. Потом лязгают цепи. Он поворачивает голову и вглядывается в моё лицо — долго, цепко, как зверь, оценивающий добычу.

— Ты человек, — говорит он. — Откуда взялась?

— Упала сверху.

Я едва не смеюсь. Истерика на подходе.

Он втягивает воздух сквозь стиснутые зубы. Молчит. Произносит что-то короткое, резкое — незнакомое мне ругательство.

— Не двигайся, — говорит он тихо. И я слышу в его голосе то, чего меньше всего ожидала услышать от монстра. Тревогу.

Наверху — шаги. Гулкое эхо раскатывается по своду, и пещеру заливают вспышки холодного света. Сверху спускаются тени — плавные, невесомые. Словно законы тяготения для них — просто рекомендация.

Тело подо мной камнеет. Узник дёргает плечом — резко, коротко — и я скатываюсь на холодный пол. Спина ударяется о камень, из лёгких выбивает воздух.

Силуэты смыкаются вокруг нас. Высокие фигуры обступают плотным кольцом — тёмная броня поглощает свет, кожа цвета пепла, белые волосы падают на плечи. Лица вытянутые, уши заострены. Злые сказки оживают.

Один поднимает руку. Сфера света выхватывает меня из темноты — и все взгляды разом впиваются в мою грудь. Узор на ключице жжёт, пульсирует сквозь ткань.

Воин делает шаг. В его ладони возникает рукоять, из неё с треском вырывается хлыст. Фиолетовые искры пляшут по земле.

Узник бросается вперёд. Цепи лопаются — звенья разлетаются осколками. Он встаёт во весь рост, заслоняя меня, и только сейчас я понимаю, насколько он огромен.

Хлыст взвизгивает. Фиолетовая молния впивается узнику в грудь — запах жжёной плоти бьёт в ноздри. Хрип. Огромное тело заваливается навзничь, мышцы сводит судорогой. Глаза закатываются. Мой единственный защитник — на полу.

Пальцы впиваются мне в плечо. Хватка стальная, когти царапают кожу. Рывок.

Меня уводят.

Подземелье сменяется коридорами — стены из чёрного стекла. Факелы пляшут на полированных поверхностях, тени мечутся под ногами.

Упираюсь. Вцепляюсь пальцами в дверной проём — когти конвоира впиваются глубже, боль прошивает плечо до ключицы, и метка отзывается огнём, будто наказывает за сопротивление.

Впереди вырастают массивные двери — металл покрыт резьбой, пауки оплетают створки лапами. Двери разъезжаются беззвучно, хватка на плече разжимается, и меня швыряют внутрь.

Колени врезаются в камень, ладони разъезжаются по гладкому полу. Удар отдаётся в локтях. Подо мной — отражение: сотни свечей дробятся в полированной поверхности, и среди них моё лицо, мокрое, чужое. Вода капает с волос, расплзается тёмными пятнами по сияющему камню. Сладкий дым благовоний забивается в лёгкие, дурманит — я втягиваю воздух и не могу надыхаться.

Зал раскрывается вокруг меня. Своды уходят в темноту. Вдоль стен стоят фигуры в шелках — они не двигаются, только смотрят, и от их взглядов хочется стать меньше, а лучше совсем исчезнуть. Шёпот ползёт по залу, голоса сливаются в змеиное шипение. Драгоценности на шеях ловят свет свечей.

Впереди возвышается помост, а на нём — кресло из монолитного обсидиана. Трон.

Поднимаю голову.

По ступеням спускается тень.

Неторопливо, плавно — как хищник, которому некуда спешить. Тёмная одежда облегает фигуру, ткань поглощает свет. Белоснежные волосы заплетены в сложные косы, перевитые серебряными нитями. Корона из чёрного металла венчает голову.

Останавливается передо мной, и я вижу: не тень — он живой. Чувствую исходящий от него холод. Я на коленях — а он заслоняет собой весь зал. Глаза цвета льда опускаются на моё лицо.

В них нет ничего человеческого.

Носком сапога поднимает мой подбородок. Ткань куртки сползает с плеча — и серебряный узор на ключице вспыхивает, заливая светом пространство между нами.

Ропот прокатывается по залу. Фигуры в шелках отступают, на лицах — что-то хищное, голодное.

Он усмехается. Недобро.

А я замираю. Потому что он прекрасен. Чудовищно, невозможно прекрасен. Я понимаю, что передо мной дроу. Тёмный эльф. Но не понимаю, почему я здесь и как это возможно.

Ногти впиваются в ладони.

Не могу отвести взгляд.

Он наклоняется — так близко, что я начинаю дрожать.

— Надо же, — произносит тихо. — Какая занятная вещь ко мне попала.

Глава 2

Свет метки отражается в его льдистых глазах. Серебро мешается с чернотой трона за его спиной.

Я стою на коленях. Глазурованный камень холодит кожу сквозь прорванную ткань. В голове — ни одной мысли. Только стук крови в висках и острая боль под ключицей. Воздух пропитан благовониями — приторная сладость оседает на языке, забивает горло.

По залу прокатывается гул. Шёпот взрывается возмущением. Фигуры в шелках приходят в движение — лица кривятся от презрения. Пальцы ложатся на рукояти кинжалов.

Они злятся. На меня?

Из толпы выходит женщина. Двигается плавно. Шлейф платья струится по отполированным плитам — тёмная ткань вбирает свет факелов. Высокая причёска скреплена десятками металлических шпилек. На воротнике поблёскивает крупный паук из тёмного серебра. Она выше меня на голову. Даже стоя на ступени ниже помоста, смотрит на всех сверху вниз.

Останавливается. Поднимает подбородок.

— Мой Король. — Голос звучит мягко. Патока скрывает яд. — Чаша Праматери ошиблась. Бездна выплюнула под ваши сапоги земную грязь.

Король. Тот, кто стоит надо мной — король.

Он выпрямляется и поднимается по ступеням помоста. Опускается на трон. Кладёт ладони на подлокотники. Пальцы смыкаются на обсидиане.

— Чаша не ошибается. Вы сомневаетесь в древней магии, Высшая Жрица?

— Я сомневаюсь в сосуде. — Она выпрямляет спину. Драгоценные камни на её воротнике мерцают при каждом вдохе. — Посадить на трон человечку — значит растоптать клятвы Великих Домов. Своды городов Подземья держатся на нашей крови. Дома десятилетиями готовили дочерей к отбору. Мы ждали этого дня. Высшие семьи требуют власти.

Человечка. Я. Она говорит обо мне. О троне. О короне. Здесь решают мою судьбу — а я стою на коленях, оглушённая дымом и странными речами. Я понимаю слова, но смысл ускользает. Корона? Какая корона?

Может, я ударила голову. Лежу на дне пещеры. Галлюцинирую.

Король склоняет голову набок. Белая коса скользит по ткани камзола.

— Угрожаете мне гражданской войной?

— Напоминаю о традициях. — Жрица складывает пальцы домиком. Когти постукивают друг о друга. — Зов Чаши — приглашение. Метка указывает на искру первозданной Тьмы. Она даёт право претендовать на корону. Но правительницу выковывает Отбор. И наши дочери готовились к нему со всем благоразумием. Если Бездна выбрала эту чужачку — испытания станут для неё горнилом.

Взгляды матрон потяжелели. Они уже поняли, к чему ведёт жрица. Я — нет. По рядам прошла волна тихого одобрения.

Жрица поворачивается ко мне. Сужает глаза. Радужки мерцают фиолетовым — я замечаю это впервые. Её зрачки вертикальные, змеиные.

— Взгляните на узор, Владыка. Присмотритесь.

Я инстинктивно прикрываю ключицу ладонью. Кожа под пальцами горит.

Взгляд короля тяжелеет. Давит физически. Он делает неуловимое движение пальцами — и моя рука падает вдоль туловища. Сама. Против воли. Мышцы расслабляются. Я пытаюсь поднять руку — тело отказывает. Чужая воля держит крепче кандалов.

Он управляет моим телом.

Становится страшно. Муж контролировал деньги, маршруты, звонки. Этот контролирует мою плоть.

Опускаю взгляд. Ворот разодран до ключицы, и серебряные нити мерцают сквозь грязную ткань. Узор пульсирует — и в стороны летят золотые искры. Они рассыпаются по коже и гаснут, оставляя тепло. Что-то в этом свечении другое. Чужеродное среди серебра.

Почему-то вспоминаю огромное тело подо мной. Жар зелёной кожи. Борозды шрамов под пальцами. Потрясение в жёлтых глазах — и место на его груди, где проступил зеркальный узор. Орк.

Жрица торжествующе вскидывает руки. Шпильки звенят. Паук на воротнике вспыхивает отражённым светом.

— Скверна! — Голос заполняет зал до последней щели. — Ритуал испорчен чужеродным вмешательством. Чужачка несёт порчу в наш мир. Чаша призвала её, но кровь пленника осквернила священную связь.

Пленник. Орк? Прикованный, избитый, брошенный в темноту. Тот, кто заслонил меня, когда пришли воины.

Жрица обводит зал взглядом. Ждёт, пока стихнет гул. Матроны переглядываются. Дочери рядом с ними вытягивают шеи, ловят каждое слово. Жадность на лицах откровенная.

— Я прошу вот о чём. Дочери Великих Домов примут участие в священном Отборе — и, как наследницы матрон, получают преимущество перед этой чужачкой. Отныне их статус — Очищающие. Их долг — выжечь скверну на испытаниях. Доказать превосходство нашей крови. Уничтожить ошибку артефакта. — Пауза. Она чуть поворачивает голову в мою сторону. — Если чужачка устоит — тогда станет вашей королевой. Если нет — то после её смерти мы проведём новый ритуал. Выберем королеву из победителей отбора.

Зал одобрительно гудит.

А я улавливаю одно слово, которое повторяется снова и снова.

Преимущество. То есть я не только должна пройти какой-то отбор, но ещё и не на равных условиях. Они хотят, чтобы я проиграла их дочерям. И вообще, система какая-то непонятная.

Я смотрю на короля. Жду — сама не знаю чего.

Его лицо остаётся бесстрастным. Складка между бровей. Прищур. Пальцы на подлокотнике постукивают — размеренно, один за другим. Большой палец. Указательный. Средний. Ритм хищника, который считает шаги до добычи.

Он просчитывает ходы. Мне хватило трёх лет с мужем, чтобы узнавать это выражение. Лицо человека, который решает, как извлечь выгоду.

Взгляд опускается на мою ключицу. Задерживается. Золотые искры отражаются в его радужках — и что-то меняется в глубине зрачков. Он видит то, что увидела жрица.

Поднимает взгляд.

— Высшая Жрица права. Дочери Высших Домов будут иметь преимущество.

Я не лишу их того, ради чего они жили. — Король медленно обводит зал взглядом. Ни одна матрона не выдерживает его внимания. На его губах мелькает тень улыбки.

— Посмотрим, кого выберет Тьма.

Жрица склоняет голову. Торжество в каждой линии её тела.

В толпе — движение. Шёпот. Кто-то указывает на мою ключицу. Я ловлю обрывки слов: «орочья скверна», «двойная метка», «осквернённая Чаша» — и ни одно из них не складывается в смысл. Они обсуждают метку. Пленника, чей жар я до сих пор чувствую на коже, хотя давно лежу на холодном камне.

Хочу сказать: отпустите меня. Я здесь случайно. Я провалилась в дыру. Мне нужно уйти.

Но голос застревает в горле. Рот пересох. Язык прилип к нёбу. Я оглядываю зал — десятки лиц, серая кожа, заострённые уши, глаза, в которых пляшут блики от огней. Я для них лишь проблема, которую нужно решить.

Король переводит взгляд на меня. Разглядывает — медленно, цепко. Глаза скользят по лицу. По рукам. По ссадинам на коже, по грязи, размазанной от запястий до локтей. По мокрым волосам, прилипшим к шее. Так смотрят на вещь, которую принесло течением, — прикидывая, выбросить или оставить.

— Назови своё имя, человечка.

Разлепляю губы. Язык еле ворочается.

— Кира.

Он пробует имя. Перекатывает по языку. Отбрасывает, будто выплёвывает косточку.

— Киррас. — Голос ровный. Точно подписывает документы — штамп на чужой судьбе.
— Теперь ты — Киррас. Желаю тебе удачи.

Стражники выступают из теней. Когтистые пальцы смыкаются на плечах — рывок вверх, колени отрываются от камня. Зал плывёт: лица, шелка, свечи, паучья резьба на стенах. Меня тащат к выходу.

Оглядываюсь через плечо. Король сидит на троне. Смотрит мне в спину — и улыбается.

Двери закрываются.

Чужой мир. Чужое имя. Странная метка под ключицей.

Стражники ведут по коридору. Отсветы факелов мечутся в полированном камне.

Впереди — темнота.

Глава 3

Стражники тащат меня по коридорам. Чёрное стекло стен ловит пламя факелов, и блики мечутся под ногами, как испуганные мотыльки. Колени саднят после падения в пещере, разорванное плечо горит при каждом шаге.

Переставляю ноги. Заставляю себя идти. Холодный воздух облизывает влажное лицо, эхо шагов множится под сводами, и коридоры тянутся, тянутся, тянутся — бесконечный лабиринт, в котором Подземье давит всей своей каменной тяжестью.

Процессия останавливается перед массивными дверями. Металл покрыт резьбой: пауки сплетают лапы в узор, и я не успеваю рассмотреть его — створки распахиваются, меня заталкивают внутрь. За спиной щёлкает замок. Звук поворачивающегося механизма отрезает путь назад.

Я остаюсь одна. Перевожу дыхание и осматриваюсь.

Стены украшают барельефы. С потолка свисает тёмный шёлк. В каменных чашах по углам растут фосфоресцирующие грибы — их свет падает на мебель, на ткани, на резьбу. Роскошь удушает вместе с тяжёлым запахом благовоний.

Взгляд сканирует помещение. Привычка выживания включается сама: окон нет, под потолком — узкая бойница, забраться невозможно. На столе тяжёлый кувшин. В углу массивный табурет. Прятаться негде.

Муж приучил меня к постоянной бдительности. Он обожал запираť меня в спальне, контролировать пространство — а я привыкла искать лазейки.

Кувшин сгодится для удара. Ножка табурета — для самообороны. Шёлк можно порвать на бинты. Я фиксирую детали, составляю план комнаты.

Выходов нет. Но я готова защищать свою жизнь.

Из смежного помещения выходят женщины. Пепельная кожа, острые уши, движения хищников — они ступают бесшумно, в одинаковых платьях, облегающих фигуры. Останавливаются в паре шагов и смотрят на меня.

Я умею читать лица. Жизнь с абыюзером учит замечать мельчайшие изменения мимики — едва заметное движение бровей, сжатые губы, раздутые ноздри. И я вижу — женщины презирают меня. Я для них грязь. Зараза, которую притащили в королевский дворец.

Одна из служанок — старшая, судя по манере держать подбородок — окидывает меня взглядом с ног до головы.

— Это и есть наземная тварь? — Голос ровный, брезгливый. — От неё воняет солнцем. Вторая фыркает. Третья поджимает губы.

— В купальню, — бросает старшая. — Отмойте. Если под грязью вообще что-то есть.

Я иду. Они следуют за мной по пятам. Язык дроу ложится в голову странно — я понимаю каждое слово, хотя не помню, когда успела его выучить.

Купальня выложена чёрным камнем, пар поднимается над водой и оседает на лице влажной плёнкой. Служанки рывками стягивают с меня остатки одежды. Джинсы летят в угол, куртка — следом. В этих вещах я бежала по лесу. Ткань пропитана кровью, грязь въелась в волокна.

Старшая берёт двумя пальцами мою куртку, разглядывает молнию и швы. Крутит в руках, как диковинное насекомое. Бросает на пол.

— Что это за ткань? — спрашивает младшая. — Она даже шить не умеет. Швы кривые, материал дрянной.

— Наземники, — старшая пожимает плечами. — Они и есть могут руками.

Смех.

На деревянную скамью падает кусок мыла. Рядом — туника. Ткань грубая, фасон примитивный.

— Рабское платье? — уточняет третья. Уголок рта дёргается.

— А что ей ещё? — Старшая разворачивается к выходу. — Пусть радуется, что вообще одели.

Они уходят. Я стою голая посреди купальни и запоминаю каждое лицо.

Я спускаюсь в бассейн по ступеням. Горячая вода обжигает ссадины, кожу щиплет, но я стискиваю зубы и погружаюсь глубже. Беру мыло. Тру плечи. Вода окрашивается бурым — пыль подземелий, засохшая кровь, остатки прежней жизни стекают с кожи и растворяются.

Мысли цепляются за прошлое. Муж остался там, среди деревьев. Здесь другие враги. Здесь правит магия, и судьбы решают короли и жрицы.

Я в другом мире. Земная жизнь — закончена? Совсем? У меня нет ответов.

Полированный камень бортика заменяет зеркало. Изображение искажается рябью. Усталая женщина. Спутанные волосы. Впалые щёки.

Жертва.

Хватит!

Я выпрямляю спину. Король дал мне имя — Киррас. Я принимаю его. Земная Кира умерла в пещере. Киррас будет жить, где бы она не оказалась.

Опускаю взгляд на ключицу. Рассмотреть узор трудно — приходится скашивать глаза. Под кожей пульсируют нити: золото сплетается с серебром, линии переплетаются, металл светится изнутри. Именно эта метка спасла меня от гибели в тронном зале. Клеймо жжёт кожу, и я не знаю, что оно принесёт мне в будущем.

Выбираюсь из воды. Вытираюсь куском ткани. Надеваю тунику — материя царапает плечи.

И тут боль прошивает спину.

Я падаю на колени. Воздух вышибает из лёгких, электрический разряд проходит по нервам, в нос бьёт запах жжёной плоти. Я помню этот запах — фиолетовый хлыст ударил орка на моих глазах, и тогда пахло так же. Колени ударяются о камень. Хватаю ртом воздух.

Сквозь боль прорывается чужой пульс — частый, рваный. В голове звучит глухое рычание. Ярость.

Не понимаю, что это. Эмоции явно не мои.

Я ощущаю тяжесть цепей на запястьях. Вкус крови на разбитых губах.

Ладони упираются в пол. Дыхание рваное.

Могу ли я чувствовать боль пленного орка? Что значили слова матрон о метке — о том, что я могу стать королевой? Двойная метка... Что всё это значит?

Я заставляю себя подняться. Боль постепенно отступает.

Некогда раздумывать. Надо изучить место, куда я попала. Подготовиться к неожиданностям.

Я выживу любой ценой.

Глава 4

Замок щёлкает.

Тело реагирует раньше разума. Плечи опускаются. Спина сутулится. Взгляд упирается в полированные плиты пола. Я надеваю маску покорности — ту самую, которая годами спасала от вспышек ярости мужа. Среди дроу она сработает тоже.

Тяжёлые створки расходятся. По гладкому камню — шаги. Лёгкие, частые, с неровным ритмом. Между ними — тихое шуршание.

Сквозь опущенные ресницы я разглядываю вошедшего.

Существо едва достаёт мне до груди. Кожа бледная, почти прозрачная — под ней проступает тёмная сеть сосудов. Кости лица выпирают резко, угловато, будто череп чуть великоват для натянутой на него оболочки. Четыре руки — две пары, верхняя и нижняя — удерживают массивный деревянный поднос. Нижние подпирают снизу, верхние придерживают по краям. Движения выверенные, привычные. Огромные глаза без зрачков — сплошная темнота от края до края — моргают медленно, с влажным щелчком перепонки. Короткие ноги переступают по полу мелко, осторожно.

Я опускаю взгляд ещё ниже.

Существо в длинной рубахе из грубого полотна. Ткань провисает на узких плечах, стянута в поясе тонким шнуром. На шее — ошейник. Матовый металл, ни единого шва. Гладкий, цельный. Такой просто так не снять.

Служанка подходит к столу. Нижняя пара рук ставит поднос рядом с кувшином. Верхняя пара замирает на мгновение в воздухе и опускается, складываясь на уровне живота.

Густой аромат жареного мяса добирается до меня. Рот наполняется слюной. Желудок сжимается — требовательно, болезненно. Я сглатываю. Тело голодное, и ему плевать на осторожность.

Мне — нет.

— Еда для наземницы, — произносит существо.

Голос шуршит, будто кто-то перебирает сухие листья. Я отмечаю тембр — высокий, с мягкими обертонами. Женский.

Она поворачивается ко мне. Огромные тёмные глаза находят мои — и я вижу в них что-то, от чего напрягаюсь ещё больше.

Жалость.

— Меня зовут Нури.

Я делаю мягкий шаг назад. Подбородок — к груди. Молчу. Ни звука, ни движения. Серая мышь. Пустое место.

Нури склоняет голову набок. Перепонка моргает — щёлк, щёлк. Она рассматривает меня с тем же вниманием, с каким я рассматривала её минуту назад.

— Ты слышишь? Нури.

Молчу.

Нури переступает с ноги на ногу. Одна из верхних рук поднимается и оттягивает ворот рубахи — нервный жест, бессознательный. Под тканью мелькает ключица, острая, как нож.

— Наземница боится, — говорит она тише. Шуршание голоса сминается до шёпота. — Правильно боится.

Она оборачивается на открытую дверь. В коридоре — тишина. Нури смотрит туда три удара сердца, четыре. Потом снова поворачивается ко мне.

Делает шаг ближе.

Я отступаю.

Нури замирает. Все четыре руки прижимаются к телу. Она уменьшается, складывается, будто пытается занять как можно меньше пространства. Я узнаю этот язык тела. Я годами говорила на нём.

Смотри, я маленькая. Смотри, я безопасная. Пожалуйста, не бей.

Что-то в груди отзывается.

— Нури принесла еду. — Она указывает верхней правой рукой на поднос. — Мясо ирха. Коренья. Лепёшки из каменной муки. Вода в кувшине.

Пауза.

— Нури пробовала. Нури жива.

Я смотрю на поднос. На куски тёмного мяса, на бугристые серые коренья, на стопку плоских лепёшек. Потом — на Нури.

— Ты пробовала эту еду? — Голос выходит хриплым.

Нури вздрагивает. Перепонки моргают часто-часто.

— Наземница говорит.

— Ты пробовала эту еду? С этого подноса?

Нури кивает. Мелко, быстро.

— Нури всегда пробует. Нури обязана. — Она касается ошейника верхней левой рукой. Палец обводит матовый металл. — Если наземница умрёт от еды, Нури умрёт от ошейника. Так справедливо, говорит Высшая.

Я разглядываю ошейник. Гладкий. Цельный. На коже под ним — тонкая полоса раздражения, бледнее остальной бледности. Он на ней давно.

— Сколько ты его носишь?

Нури моргает.

— Нури родилась в ошейнике. Нури — гхола. Гхолы всегда в ошейниках.

Для неё это очевидно. Трава зелёная. Вода мокрая. Гхолы всегда в ошейниках.

Я разжимаю зубы. Медленно. Осторожно. Маска покорности — полезная вещь, но сейчас мне нужна информация больше, чем невидимость.

— Что такое наземница?

— Ты. — Нури указывает на меня верхней рукой. — Сверху. С поверхности. Из-под солнца. — Она морщится, будто само слово может заставить заболеть. — Наземников давно сюда не приводили. Нури ещё маленькой слышала от старших гхол. Думала — сказки.

— А что случилось с теми наземниками?

Нури молчит. Все четыре руки снова прижимаются к телу.

— Нури, что с ними случилось?

— Матроны решают, — шепчет она. Взгляд метнулся к двери и обратно. — Матроны всегда решают. Высшая Жрица смотрит темнотой, а матроны скалят зубы. Наземница... тебя обсуждали в тронном зале. Нури слышала.

Я подхожу на шаг. Нури вздрагивает, но остаётся на месте. Нижняя пара рук стискивает ткань рубахи на бёдрах.

— Что именно ты слышала?

— Спорили. Три матроны хотят ритуал. Одна хочет допрос. Король... — Нури осекается. Оглядывается на дверь. В этот раз — долго, считая собственные вдохи. Потом продолжает, ещё тише: — Король молчал. Король всегда молчит, когда матроны говорят. Потом говорит один раз. И все замолкают.

— Что он сказал?

— Нури стояла далеко. Нури плохо слышала.

— Нури.

Она поджимает губы. Тонкие, почти бесцветные. Перепонки моргают.

— «Метка», — произносит Нури одними губами. — Король сказал «метка». И матроны замолчали.

Я касаюсь ключицы. Кожа под пальцами гладкая, горячая. Там, где вспыхнул огонь и впечатался в плоть символ, которого я до сих пор не понимаю.

Нури провожает моё движение взглядом. Все четыре руки одновременно дёргаются — вверх, к лицу, — и замирают. Она видит.

— Гхолы знают про метки? — спрашиваю я.

— Все в Подземье знают про метки. — Нури опускает руки. — Метка Короля — цепь. Длинная или короткая, но цепь. Тебя привязали к нему. Или его — к тебе.

Она замолкает. Переступает с ноги на ногу. Потом добавляет:

— Нури не знает, что хуже.

Я касаюсь ключицы. Там, где соединяются сияния.

— Кажется, у меня две метки, Нури. Не одна.

Нури замирает. Руки — все четыре — обвисают вдоль тела. Перепонки моргают, но не до конца, застывают полуприкрытыми. Она смотрит на мою ключицу, и я впервые вижу на её лице что-то помимо жалости.

Страх.

— Наземница должна поесть, — говорит Нури быстро. Слишком быстро.

— Нури.

Она отводит взгляд. Нижние руки стискивают ткань рубахи на бёдрах — костяшки белеют. Верхние скрещиваются на груди. Четыре руки — четыре замка. Она закрылась.

— Нури видела метки Короля. Нури прислуживает во дворце с рождения. Одна метка — цепь. — Она сглатывает. Горло под ошейником дёргается. — Две метки... Нури слышала об этом один раз. От старой гхолы. Та чистила покои Высшей Жрицы и видела свитки.

— И?

— Двойная привязка. — Нури произносит это еле слышно, почти одним дыханием. — К Королю. И ещё к кому-то.

Я прижимаю ладонь к ключице. Под пальцами — жар. Оба символа пульсируют в одном ритме.

— К кому?

Ответ я и сама знаю.

Нури мнётся. Перепонки моргают — часто, влажно. Она смотрит на дверь, потом на меня, потом снова на дверь.

— Пленник, — выдавливают она. — В нижних ярусах. За решёткой. Его привели из степей. Нури носила ему воду.

— Какой пленник? Что значит двойная привязка?

— Та старая гхола говорила — двойная метка бывает раз в несколько столетий. Тот, кто её носит...

Нури осекается. Голова дёргается к двери. Уши — длинные, прижатые к черепу, скрытые складками кожи — приподнимаются.

Я тоже слышу. Шорох в коридоре. Мягкий, размеренный.

Нури отшатывается от меня. Руки принимают позу покорности. Трансформация мгновенная.

— Нури, — шепчу я. — Договори.

— Нури *ничего не знает*. — Она смотрит мне в глаза. Перепонки не моргают. Тёмные, бездонные глаза держат мой взгляд одну секунду. Этой секунды хватает. Нури знает. Нури не скажет. Не здесь. Не сейчас.

Шорох за дверью стихает. Нури прислушивается. Ждёт. Считает вдохи. Потом — едва заметно — расслабляется. Плечи опускаются на полвершка. Верхние руки разжимаются.

Взгляд сам находит поднос. Тёмное мясо, серые корни. Желудок сжимается — требовательно, зло. Тело помнит голод, даже когда голова занята метками и пленниками.

— Вода, — говорю я. — Ты сказала, пробовала воду?

— Вода чистая. Нури живая.

— Но ты хотела предупредить. Про воду.

Нури вздрагивает. Все четыре руки переплетаются перед животом.

— Еда на подносе — безопасная. — Она понижает голос до скрежета. — Другая еда может быть... гостеприимной.

— Гостеприимной?

— В Подземье гостеприимство — яд с улыбкой. Если матрона пришлёт угощение, Нури попробует первой. Если Нури упадёт — не ешь. Если Нури устоит — тоже не ешь. Яд может действовать не сразу.

Я усваиваю.

— Ты рискуешь, рассказывая мне это.

Нури молчит. Потом — очень тихо:

— Нури носит ошейник Короля. Ошейник Короля — защита от матрон.

Она разворачивается. Семенит к двери. У самого порога останавливается. Не оборачивается.

— Ешь, наземница. Следующую еду принесут через много часов. Здесь нет солнца, и время считают иначе.

Створки смыкаются за ней. Механизм замка скрежещет.

Я стою. Считаю вдохи. Один, два, пять, десять.

Потом подхожу к столу. Беру кувшин обеими руками. Он тяжёлый, каменный, прохладный. Подношу к губам. Вода пресная, без привкуса. Делаю один глоток. Ставлю кувшин. Жду.

Минута. Две.

Желудок принимает воду спокойно. Голова ясная. Язык не немеет.

Я беру кусок мяса. Откусываю. Жёсткое, волокнистое, с дымным послевкусием. Жую медленно. Глотаю.

Опускаюсь на край каменной лежанки. Ем медленно. Мясо жёсткое, с дымным привкусом. Коренья горчат. Лепёшки крошатся на языке, оставляя привкус мела. Я жую и думаю.

Король. Пленник. Два символа на ключице. Цепь в два конца, и оба конца — в темноте.

Нури не договорила. Но сказала достаточно.

Я допиваю воду. Ставлю кувшин на поднос. Вытираю губы тыльной стороной ладони.

Тело тяжелеет. Мышцы ног гудят — я только сейчас вспоминаю, сколько часов провела на ногах. Тронный зал, коридоры, эта комната. Адреналин держал меня, а теперь отпускает. Разом.

Я поднимаюсь. Ноги слушаются с задержкой.

Протягиваю руку к матрасу. Мягкий. Над ним — балдахин из тёмного шёлка, свисающий плотными складками до самого пола.

Пальцы замирают.

Шёлк шевелится. Движение мелкое, почти незаметное — рябь по гладкой поверхности, будто ветер тронул воду. Только ветра здесь нет. Ткань бугрится изнутри. Медленно. Ритмично. Бугор вздувается и опадает, вздувается и опадает.

Балдахин дышит.

Я отдёргиваю руку. Шаг назад. Ещё один.

Складки разлетаются. Из темноты шёлка вырывается многоногое тело. Чёрный хитин блестит в тусклом свете, лапы скребут по ткани, по камню, по воздуху. Тварь отталкивается от матраса и прыгает на меня.

Глава 5

Инстинкт срывает раньше мысли — падаю вправо. Так я уворачивалась от хрустальной пепельницы, летящей в голову. Уходила от замахнувшегося кулака.

Тварь пролетает мимо. Жёсткие щетинки на лапах царапают щёку. Жвалы щёлкают у самого уха — мокро, жадно. Шёлк балдахина рвётся с треском. На простыню капает слизь. Ткань дымится. Кислый запах жжёной материи заполняет комнату.

Я откатываюсь. Поднимаюсь на четвереньки. Смотрю.

Размером с таракана. Несколько конечностей перебирают по камню. Чёрный хитин блестит в свете факелов. Сегментированный хвост загибается над спиной. На его кончике набухает капля.

К горлу подступает тошнота. Я стискиваю зубы. Загоняю воздух обратно в лёгкие.

Кричать нельзя. Крик возбуждает хищника. Демонстрация страха — приглашение к расправе. Это правило муж вбивал в меня годами.

Я запираю панику. Замораживаю лицо. Дыхание выравнивается — три счёта на вдох, три на выдох.

Тварь разворачивается. Когти скребут по полу. Жвалы раздвигаются. Тварь плюёт.

Капля кислоты прожигает рукав. Кожу обжигает.

Тварь отталкивается от пола.

Я отпрыгиваю к двери. У порога — обувь, оставленная гхолой. Грубая, тяжёлая, с толстой подошвой. Хватаю. Разворачиваюсь.

Тварь ползёт ко мне. Быстро, дёргано, перебирая всеми лапами. Хвост с каплей яда загибается над спиной.

Резко опускаю подошву — так давят таракана на кухне. Готово.

Дышу. Думаю.

Могло ли насекомое само сюда забраться или его принесли? Спрятали в складках балдахина, в шёлковой темноте. Ждали, пока я лягу.

Постепенно руки перестают дрожать.

Звать стражу — подписаться в собственной слабости. И кто мне поможет, если кругом враги.

Значит — убираю сама.

Подхожу к испорченному балдахину. Отрываю кусок чистого шёлка. Ткань плотная, скользкая, поддаётся с трудом. Протираю пол. Бросаю ткань в мусорку.

Порванный балдахин. Дыра в простыне. Прожжённый рукав. Остальное — чисто.

Сойдёт.

Сажусь на матрас. Спина прямая. Руки — на коленях. Жду.

Сон невозможен. Я и не пытаюсь. Сажусь, считаю вдохи, слушаю тишину за стеной.

Время здесь течёт иначе. Нури предупреждала. Минуты растягиваются, провисают, слипаются. Я считаю до тысячи. Потом ещё раз. Потом сбиваюсь и начинаю заново.

В замочной скважине скрежест металл.

Я выпрямляюсь. Руки на коленях. Лицо — маска.

Створка приоткрывается. В комнату протискивается Нури. В верхней правой руке — плетёная корзина. Нижние руки прижаты к бёдрам. Она входит бочком. Глаза замирают на мне.

Корзина выпадает из рук. Стучается о камень. Перепонки на глазах Нури распахиваются до упора.

— Наземница... — Голос срывается. — Ты...

Я беру кубок с остатками воды. Подношу к губам. Делаю глоток. Медленно. Ставлю обратно.

— Прекрасно спалось. — Голос ровный. Я слышу его со стороны и одобряю — ни дрожи, ни надлома. — Местные насекомые назойливы. Но от них легко избавиться, если знать куда бить.

Нури пятится. Нижняя пара рук вцепляется в подол рубахи. Верхняя пара повисает вдоль тела — пальцы подрагивают.

— Ты предупреждала меня об отравленной воде. — Я ставлю кубок на поднос. — Пыталась заслужить доверие. А потом заботливо оставила мне подарок в постели.

— Нури подневольная! — Шёпот, хриплый, рваный. Все четыре руки прижимаются к телу. — Нури носит ошейник. Ослушаться — умереть. Ошейник жжёт. Нури видела, как другие гхолы падали. Хватались за горло и больше не вставали...

Она захлёбывается словами. Трясётся. Я вижу, как ходят ходуном её рёбра под тонкой рубахой. Страх настоящий. Его нельзя сыграть — по крайней мере, так нельзя сыграть эту мелкую дрожь в коленях, от которой Нури приседает, оседает, уменьшается.

— Не верь никому, наземница. — Она смотрит на меня снизу вверх. Глаза влажно блещут. — Даже Нури. Особенно Нури. Нури сделает всё, что прикажут. Нури всегда делает.

Пауза. Перепонка моргает — медленно, устало.

— Нури просто хочет дышать.

Я смотрю на неё и понимаю. Понимаю её страх.

— Встань, — говорю я.

Нури вздрагивает.

— Встань, Нури. Подбери корзину.

Она поднимается. Медленно, неуверенно. Костяшки пальцев белые. Подбирает корзину. Прижимает к животу всеми четырьмя руками.

— Я запомнила урок, — говорю я. — Каждый из уроков.

Нури кивает.

— Но ты предупредила меня раньше, чем подложила тварь. Это я тоже запомнила.

Нури открывает рот. Закрывает. Перепонки моргают.

— Иди, — говорю я. — Передай тем, кто интересуется моим сном: насекомое оказалось хрупким. Пусть в следующий раз пришлют что-нибудь покрупнее.

Нури смотрит на меня. Одну секунду, две. Потом прижимает корзину к груди и выскальзывает за дверь.

Створки смыкаются. Замок скрежещет.

Я опускаю плечи. Разрешаю рукам дрожать несколько секунд. Потом — всё. Хватит. Я собираю себя обратно, по кускам, как собирала каждое утро после очередной ночи с мужем.

Привожу в порядок одежду. Разглаживаю складки. Осматриваю прожжённый рукав — дыра с обугленными краями, размером с монету. Кожа под ней покраснела, но волдыря нет. Терпимо.

Время тянется. Я стою у стены, потому что сидеть на кровати больше не могу. Считаю трещины в камне. Слушаю тишину.

Замок щёлкает.

Другая гхола. Старше Нури — кожа суше, морщины глубокие, складками. Ошейник такой же. Глаза такие же — тёмные, бездонные. Только в этих нет жалости. В этих — ничего.

Она окидывает комнату взглядом. Порванный балдахин. Дыра в простыне. Моё лицо. Ни один мускул на её лице не дёргается.

— Тебе приказано выйти. — Голос скрипит. — Подготовка к отбору.

Я иду за ней.

Коридоры сменяют друг друга. Чёрное стекло стен переходит в шершавый камень. Потолки снижаются. Воздух густеет, теплеет, наполняется влагой. Я вдыхаю запах сырой земли, перегноя, камня.

Старая гхола семенит впереди. Молчит.

Рассматриваю её спину — узкую, сутулую, с выступающими позвонками под рубахой. Она ни разу не оборачивается.

Мы выходим на террасу.

Я останавливаюсь.

Сад. Огромный, раскинувшийся под каменным сводом, который теряется в темноте где-то высоко наверху. Грибы — в три моих роста — светятся мягким голубым сиянием. Шляпки покачиваются, хотя воздух неподвижен. Между ними выются дорожки из отполированного камня, и свет отражается в них, будто в тёмной воде.

Гхола останавливается у края террасы. Указывает вниз, в сад. Разворачивается и уходит. Шаги стихают за поворотом.

Я делаю шаг вперёд. Второй. Третий.

Среди каменных скамей, расставленных полукругом под самым крупным грибом, расположились фигуры. Пять. Шесть. Я считаю, пока спускаюсь по ступеням. Семь.

Шёлк. Пепельная кожа. Металл украшений — серебро, чёрное золото, лунный камень в оправе. Заострённые уши. Волосы — белые, серебристые, иссиня-чёрные — уложены в сложные конструкции, скреплённые шпильками и цепочками.

Невесты Короля.

Мои шаги звучат громко. Головы поворачиваются. Одна за другой. Волна — от ближайшей скамьи к дальней. Разговоры стихают, и я считаю мгновения, за которые это происходит. Три удара сердца. К четвёртому — тишина.

Глаза фиксируются на моём лице.

Брюнетка на ближайшей скамье — уголок губ дёргается. Микродвижение.

Рядом с ней — дроу с серебряным пауком на воротнике. Плечи напрягаются. Пальцы, перебиравшие складку шёлка, замирают.

Останавливаюсь у подножия ступеней. Молчу.

Пусть смотрят.

Брюнетка первой размыкает губы.

— Наземница. — Голос мелодичный, обёрнутый в шёлк. — Мы слышали, тебе выделили покои в восточном крыле. Надеюсь, ночь прошла... без происшествий?

Она улыбается.

Семь пар глаз ждут моего ответа.

— Покои прекрасны, — говорю я. — Постель оказалась жёсткой. Но я привыкла спать на жёстком.

Пауза. Брюнетка моргает.

Дроу с пауком на воротнике подаётся вперёд.

— Поразительно, — произносит она. — Наземники обычно... хрупкие. Воздух Подземья им вредит. Пища не усваивается. Ночи бывают беспокойными.

— Я крепкая.

— Очевидно.

Беловолосая постукивает сложенным веером по колену. Тук. Тук. Тук.

— Тебя отметил Король, — говорит она. — Покажи.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Лиловые глаза холодны.

Касаюсь ворота. Сдвигаю ткань. Обнажаю ключицу.

Два символа проступают на коже.

По полукругу скамей проходит движение. Дроу с пауком откидывается назад. Брюнетка поджимает губы. Кто-то на дальней скамье — я не вижу кто — резко вдыхает.

Беловолосая перестаёт постукивать веером.

— И правда двойная, — произносит она.

Я застёгиваю ворот. Пальцы не дрожат.

Беловолосая раскрывает веер. Прикрывает нижнюю часть лица. Над верхним краем — только глаза.

Брюнетка первой приходит в себя. Улыбается. У дроу зубы ровные, мелкие, чуть заострённые.

— Присядь, наземница. — Она указывает на свободную скамью чуть в стороне от полукруга. Не среди них. Рядом. — Расскажи, что носят наверху в этом сезоне?

Смех. Тихий, мелодичный. Несколько голосов подхватывают.

Я сажусь. Камень холодный. Руки — на коленях. Спина — прямая. Чужачка среди хищников.

Как я сюда попала — загадка. Как выбраться — тем более.

Значит, надо попробовать выжить.

Глава 6

Я рассматриваю невест Короля. Изучаю повадки.

Пепельная кожа, выверенные жесты. Тёмный шёлк ниспадает складками, контрастирует с белыми волосами. Серебро браслетов ловит блики. Острые скулы. Вытянутые лица. Заострённые уши улавливают малейший шорох.

Красивы. Смертоносны.

Я ишу лидера.

Дроу справа играет веером. Раскрывает, складывает, раскрывает снова. Паузы между движениями — ровные. Она наблюдает поверх шёлкового края. Оценивает.

Брюнетка напротив ёрзает. Поправляет браслет, бросает реплику, смеётся собственной шутке. Провокатор. Она проверяет границы дозволенного.

Центр группы смещён правее.

Там сидит дроу с тёмными волосами. Пряди заплетены в сложную корону. Металлические шпильки фиксируют причёску. На шее покоится кулон с обсидианом. Она опирается на спинку скамьи. Подбородок вздёрнут. Взгляд скользит по мне — и соскальзывает, будто я часть орнамента на дорожке. Дочь Высшей Жрицы. Статус виден в каждом жесте. В ленивой грации.

Остальные инстинктивно оставляют ей больше пространства. Свита держит дистанцию.

Дочь Жрицы подаётся вперёд. Губы складываются в усмешку. Мелкие зубы обнажаются.

— Значит, ты выжила на поверхности, — произносит она. Голос звенит металлом. — Среди дикарей и солнечных ожогов.

Брюнетка хмыкает.

— Поверхность. Представьте. Без потолка. Без свода. — Она обводит рукой грибной купол. — Небо обрушивается на голову каждый день. Удивительно, что рассудок у неё цел.

Эльфийка с веером складывает его одним щелчком.

— Ты полагаешь, он цел?

Тихий смех.

Я слежу за руками дочери Жрицы. Пальцы поглаживают край кулона. Кончики чернеют от магии, которая сочится из-под ногтей.

— Расскажи нам, — говорит она. — Как ты спала. Что ела. Чем промышляла на своей замусоренной поверхности.

Кошка трогает мышь лапой — жива ли ещё.

— Работала, — отвечаю я. — Ела то, что могла себе позволить. Спала, когда удавалось.

Брюнетка наклоняет голову.

— Когда удавалось? — переспрашивает она. — Что мешало?

Тишина длится секунду. Я держу лицо.

— Обстоятельства.

Дочь Жрицы выпрямляет спину. Её зрачки сужаются.

— Обстоятельства, — повторяет она. — Расскажи подробнее. Мне любопытно, какие обстоятельства формируют... — Взгляд проходится по мне сверху вниз. — ...подобное.

Я позволяю паузе растянуться. Считаю про себя до трёх.

— Моя история не содержит ничего, достойного внимания, — говорю я. — Простая жизнь. Простые трудности.

Дочь Жрицы поднимает руку. Указательный палец чертит в воздухе полукруг.

Поверхность скамьи нагревается. Жар пробивает ткань туники. Кожу бедра обжигает.

Я делаю ровный вдох.

С пальцев дроу срывается искра. Летит по дуге. Жалит открытое запястье. Боль прошивает нервы. Запах палёной плоти достигает ноздрей.

Она ждёт. Они все ждут.

Мышцы сводит от напряжения. Адреналин поступает в кровь.

Один. Два. Три. Четыре.

Замораживаю лицо. Гашу эмоции во взгляде. Расслабляю плечи. Фокусирую зрение на узоре кулона.

Муж любил подобные игры. Он разбивал тарелки о стену. Осколки царапали кожу. Он нависал надо мной. Требовал реакции. Ожидал слёз. Крик всегда служил для него сигналом к продолжению.

Я научилась молчать.

Превращаюсь в камень. Замедляю пульс. Рассматриваю переплетение металлических нитей на чужой шее. Отсекаю физические ощущения, одно за другим.

Боль от ожога пульсирует на запястье.

Смотрю в лиловые глаза дочери Жрицы.

Она хмурится. Улыбка сползает с лица.

Эльфийка с веером переводит взгляд на брюнетку. Та чуть подаётся назад на скамье.

— Ты воняешь землёй, — произносит дочь Жрицы. Голос становится жёстче. — Наземная грязь. Слизь на подошвах правителей Подземья. Твоё место — в сточных ямах.

Выдерживаю паузу. Считаю до пяти.

Уголки губ ползут вверх. Улыбка — вежливая, кроткая.

— Вы абсолютно правы, — говорю я. — На поверхности много грязи.

Касаюсь ворота туники пальцами. Демонстрирую метку.

Заминка.

Эльфийка с веером замирает. Брюнетка моргает. Дочь Жрицы останавливается.

Камень подо мной остывает.

— Ты дерзкая, — произносит она наконец. Тон изменился. Любопытство проступает сквозь раздражение. — Для грязи.

— Благодарю.

Брюнетка давит смешок. Эльфийка с веером раскрывает его снова — плавным жестом, будто ничего примечательного и не случилось.

Дочь Жрицы откидывается на спинку скамьи. Смыкает веки на мгновение. Когда открывает — лиловые глаза глядят по-другому.

— Лисаэль, — обращается она к эльфийке с веером. — Расскажи нашей гостье о предстоящем пире. Ей полезно узнать, какие блюда подают... и как ведут себя за столом те, кого здесь терпят из вежливости.

Лисаэль улыбается.

— С удовольствием. — Веер указывает на меня. — Пир состоится через три дня. Явка обязательна для всех отмеченных Короной. Протокол рассадки определяет Распорядитель. Ты, вероятно, окажешься у дальнего конца стола.

— У самого дальнего, — вставляет брюнетка.

— Вин не касайся, — продолжает Лисаэль. — Грибной нектар действует на наземных иначе. Были случаи. Одна из предыдущих... гостий... опрокинула кубок на платье Матриарха. Её отправили чистить нижние ярусы.

— Она вернулась? — спрашиваю я.

Пауза. Лисаэль складывает веер.

— Частично.

Брюнетка фыркает. Дочь Жрицы наблюдает за моей реакцией из-под полуопущенных век.

Я киваю.

— Благодарю за предупреждение.

Разговор перетекает дальше. Они обсуждают свойства светящегося мха, ткани для пира, слухи о перестановках в свите. Задаются вопросом — когда же придёт король. А брюнетка признаётся, что с радостью увидела бы пленника. Мне отводят роль мебели. Слова летают поверх моей головы.

Выдыхаю. Напряжение покидает тело слой за слоем.

Запястье саднит. Прикрываю ожог ладонью. Осторожно ощупываю края раны. Кожа покраснела. Волдырь набухает.

Ключицу пронзает боль.

Я судорожно втягиваю воздух. Пальцы впиваются в ткань туники на груди.

Метка горит. Под кожей пульсирует жар. Нити узора наливаются светом. Серебро сплетается с золотом. Металл плавится внутри тела.

Зрение теряет чёткость. Свечение грибов тускнеет. Силуэты дроу расплываются пятнами.

Во рту появляется привкус крови. Сглатываю.

Руки наливаются тяжестью. Кости ломит. Дышать труднее.

Я опускаю голову. Прячу лицо за волосами.

Не вижу ни одной причины испытывать такие чувства.

Перед глазами мелькают вспышки. Запястья сдавливают фантомный металл кандалов. Грубые звенья цепи царапают кожу.

Пленник?

Почему опять?

Я стискиваю зубы до скрежета. Впиваюсь ногтями в колени.

— С тобой всё в порядке? — Голос Лисаэль доносится издалека. Любопытство, а вовсе не забота.

Я поднимаю голову. Формирую улыбку.

— Жара. — Показываю на грибы. — Свечение действует на наземных.

Лисаэль прищуривается. Верит или нет — значения пока не имеет. Она отворачивается.

Я опускаю голову снова. Помаленьку становится легче.

Брюнетка оборачивается.

— Ты бледная, — замечает она. Губы кривятся.

— Всё хорошо. — Я выпрямляю спину. — Привыкаю.

Дочь Жрицы открывает глаза. Смотрит на меня. Долго. Взгляд прошибает насквозь, будто ищет что-то под кожей.

— Привыкай быстрее, — говорит она. — Скоро испытания.

Она поднимается. Шёлк шуршит по камню. Остальные встают следом. Дочь Жрицы уходит первой. Свита выстраивается за ней. Брюнетка бросает на меня последний взгляд — смесь презрения и чего-то, похожего на интерес. Лисаэль проходит мимо, и веер задевает моё плечо. Случайно или нет — не знаю.

Шаги стихают.

Я остаюсь одна.

Выдыхаю.

И вдруг — шорох. Из-под корней ближайшего гриба выскальзывает змея. Ползёт по дорожке. Прямо ко мне. Замираю. Змея поднимает голову. Раздувает капюшон.

Глаза — лиловые. Вертикальные зрачки. Оттенок как у дочери Высшей Жрицы.

Тварь замирает в полуметре. Язык скользит по воздуху. Голова покачивается — вправо, влево — словно примеряется.

И шипит.

Глава 7

Змея раздувает капюшон. Лиловые глаза фиксируются на моём горле.
Тело кричит — беги. Мышцы ног сокращаются. Адреналин заливают вены.
Остаюсь на месте.

Замедляю дыхание. Вдох на четыре счёта. Выдох на шесть. Превращаю лицо в маску.
Превращаю тело в камень.

Змея замирает. Язык скользит по воздуху — быстрее, чаще. Капюшон подрагивает.
Воздух меняется.

Температура падает на несколько градусов. Кожа покрывается мурашками. Сладковатый
холод — морозная ягода, выдержанное вино — оседает на языке.

Из тени гигантского гриба выступает силуэт.

Король.

Сердце спотыкается, а потом подпрыгивает. Ладони потеют.

Здесь. Он — здесь. Зачем он пришёл?

Он смотрит на змею. Один жест — едва заметное движение пальцев, словно стряхивает
каплю воды. Ничего больше.

Змея вздрагивает. Капюшон складывается. Лиловые глаза мигают — вертикальные
зрачки сжимаются в щели. Тварь разворачивается и скользит к корням гриба. Быстро.
Послушно.

Выдыхаю.

Король идёт неспешно. Шаг за шагом. Руки опущены. Длинные пальцы расслаблены.

Переступает через серую полосу на дорожке. Подходит ближе. Ближе. Останавливается
в двух шагах. Возвышается надо мной.

Холод в каждой черте.

— Как тебе у нас?

— Не очень.

— Уже готова сдать, Киррас? — Голос обволакивает. Бархат, под которым спрятано
лезвие. — Ты не продержалась и дня в моём саду.

Поднимаюсь. Ноги держат. Спина прямая. Смотрю снизу вверх — он выше на голову.

— Если мне не нравится — не значит, что я готова сдать. Но я не напрашивалась.

— Долго не продержишься. Ты лишь мусор на наших дорожках.

— Если я лишь мусор на ваших дорожках, Владыка, — зачем вы лично прячетесь, чтобы
за ним наблюдать?

Тишина.

Король наклоняет голову. Едва заметно.

Уголок рта дёргается. Искра в серебристой радужке.

Шаг. Расстояние между нами — ладонь.

Пальцы перехватывают моё запястье. Я вздрагиваю. Его кожа ледяная.

Дайрон поднимает мою руку. Разглядывает.

Большой палец ложится на пульс. Замирает.

Он чувствует, как бьётся жилка. Я вижу, как он это чувствует. Зрачки расширяются —
на долю секунды.

Из-под маски Короля проступает что-то живое.

Потом маска возвращается.

Дайрон разжимает хватку. Отступает на шаг.

— Следи за языком, Киррас. — Голос ровный. — Иначе рискуешь лишиться его.

Уходит. Тень поглощает его фигуру.

Стою. Запястье горит. Пульс на шее колотится.
Ноги подгибаются. Опираюсь ладонью о стену.
Собираю себя по кускам. Маска — на место. Спина — прямо. Возвращаюсь в свои покои.
Тяжёлые двери смыкаются за спиной, отрезая меня от сада. Выдыхаю.
Входит Нури.
Маленькая гхола складывает руки на коленях. Жёлтые глаза ощупывают моё лицо.
— Госпожа нуждается в чём-то?
Подхожу к умывальнику. Плещу водой на запястье. Зубы сжимаются.
— Я познакомилась с невестами Короля.
Нури округляет глаза.
— И со змеёй.
Серая кожа приобретает землистый оттенок. Пальцы комкают ткань на коленях.
— Фамильяр Матроны, — голос тише. — Змея — её глаза. Всё, что видит тварь, видит
Жрица.
Складываю информацию в карман.
— Она собиралась меня укусить.
Нури открывает рот. Закрывает. Глощает.
— Госпожа цела?
— Госпожа цела. Госпожу спасли. — Я оборачиваюсь. — А вот госпожа думает, почему
служанка не усмотрела.
Нури вскидывает голову. Жёлтые глаза — круглые, мокрые.
— Я не знала. Клянусь подземной водой — не знала.
Может быть. А может, нет.
Гхола поднимается. Подходит к шкафу. Достает глиняную баночку.
— Мазь. — Протягивает мне. Руки дрожат. — Отпугивает змей.
Я не двигаюсь.
— Могу ли я тебе верить?
Нури прижимает баночку к груди.
Моргает. Раз, другой, третий.
— Госпожа не обязана верить. — Нури ставит баночку на стол. Отступает. — Но госпожа
не переживёт Отбор без меня.
Она знает, как убедить.
Принимаю баночку. Откручиваю крышку. Тёмная субстанция с запахом грибов и горечи.
— Нури. — Наносу мазь на ладони. Холод проникает в кожу. — Зачем дочь Жрицы
охотится на кандидаток?
Гхола садится. Пальцы сплетаются в узел.
— Матроны начали охоту ещё до того, как госпожа пришла, — шепчет она. — Каждая
кандидатка — угроза. Наземная — оскорбление. — Пауза. — А тут ещё метка орка.
— И?
— Корона. Король. Они все хотят его получить. А госпожа стоит на пути.
— Я не стою ни на чьём пути. Я здесь не по своей воле.
Нури смотрит на меня. Долго. В жёлтых глазах что-то мелькает.
— Это не имеет значения, — говорит она. — Главное — здесь.
Закручиваю баночку. Ставлю на стол.
— Через три дня — пир.
Нури кивает.
— Кто определяет рассадку?
— Распорядитель. Но дочь Жрицы имеет... влияние. — Нури умолкает. — Госпожа ока-
жется далеко от Короля.

— Далеко — это безопасно.

— Далеко — это территория тех, кто подсыпает яд и списывает на грибной нектар.
Смотрю на неё. Она смотрит на меня.

— Интересно, Нури. Я многого пока не знаю.

Гхола опускает голову. Бормочет что-то — слишком тихо, чтобы разобрать.

Ложусь. Закрываю глаза.

Под веками — серебристые глаза. Холодные пальцы на пульсе.

Засыпаю с его образом в голове.

И вижу странный сон.

Глава 8

Меня выдёргивает из тела.

Жар обрушивается первым. Воздух густой, раскалённый, пропитанный пылью и железом. Лёгкие обжигает при каждом вдохе. Я стою — нет, не стою. Он стоит. Я внутри него.

Кирка опускается на камень. Удар отдаётся в плечах, в позвоночнике, в костях черепа. Мышцы работают на пределе. Пот стекает по вискам, заливает глаза. Руки — огромные, зелёные, исполосованные рубцами — сжимают рукоять. Кандалы на запястьях стёрли кожу до мяса.

Орк.

Я чувствую всё, что чувствует он. Тяжесть кирки. Жажду. Привкус крови на разбитых губах — кто-то ударил его по лицу, и распухшая губа трескается при каждом движении челюсти. За спиной — щёлканье плети. Надсмотрщик расхаживает по карнизу. Внизу — десятки фигур, согнутых над камнем. Каменоломня. Его бросили в каменоломню.

Плеть свистит. Удар ложится поперёк спины. Кожа лопается. Боль — белая, слепящая — прошивает меня насквозь. Я кричу. Он — нет. Сжимает зубы. Клыки впиваются в нижнюю губу. Кровь течёт по подбородку.

Ярость поднимается из глубины его тела — первобытная, звериная. Я тону в ней. Захлёбываюсь. Его ярость пахнет калёным железом и мокрой землёй.

Но под яростью — другое. Глубже, тише. Он думает обо мне. Обрывками. Образами. Маленькое тело на его груди. Запах чужого мира в волосах. Серебряная вспышка, прошившая темноту. Он помнит, как нити метки впились в его кожу. Помнит мой крик. И то, что не смог закрыть меня, когда пришли воины с хлыстами.

Это жжёт его сильнее плети.

Метка вспыхивает. Золотой жар разливается по его рёбрам — и одновременно по моей ключице. Связь натягивается. Орк замирает посреди замаха. Кирка висит в воздухе.

Он чувствует меня.

Паника. Я пытаюсь отстраниться — выдернуть себя из его разума, вернуться в собственное тело. Бесполезно. Связь держит крепко.

Орк опускает кирку. Закрывает глаза. Надсмотрщик кричит что-то — голос доносится издалека, будто из-под воды.

В темноте сознания я вижу его. Жёлтые глаза. Широкие скулы. Шрам от виска до подбородка. Он смотрит на меня — и я понимаю, что он тоже видит. Видит меня. Моё лицо. Мою комнату с порванным балдахином. Паучью резьбу на стенах.

Губы раздвигаются. Клыки блестят.

«Жива».

Слово гремит в голове камнепадом. Облегчение в его голосе — такое густое, что я задыхаюсь от чужой эмоции.

И сразу — другое. Собственничество. Глухое, утробное рычание, которое вибрирует в его грудной клетке и передаётся мне по нитям метки. Он считает меня своей. Я чувствую это так отчётливо, будто он произнёс вслух. Его. Помеченная. Принадлежащая.

Из одной клетки — в другую.

Я делаю единственное, что умею. Три счёта на вдох. Три на выдох. Замораживаю лицо. Замедляю пульс. По нити связи отправляю ему то, что осталось от спокойствия, — образ воды. Прохладной, тёмной, неподвижной. Подземное озеро без ряби. Тишина камня.

Таррок вздрагивает. Кирка лязгает о породу. Жёлтые глаза распахиваются — в них изумление. Он замирает. Дышит. Ярость отступает. Медленно, нехотя. Плечи опускаются на вершок.

Надсмотрщик щёлкает плетью.

Связь обрывается.

Просыпаюсь рывком. Сажусь. Ладони мокрые. Сердце молотит по рёбрам.

Ключица горит. Золотые нити пульсируют под кожей — часто, гулко. Серебряные — тише, ровнее. Два ритма. Два якоря. Два хозяина.

Я прижимаю пальцы к метке. Жар обжигает подушечки.

Двойная привязка — рабочий канал. Я побывала в его голове. Чувствовала его боль, его мысли, ярость. Он чувствовал моё спокойствие. Мы передаём друг другу эмоции по нитям метки.

Это оружие. Или проклятие. Зависит от того, кто первым научится им пользоваться.

Поднимаюсь. Ноги держат. Подхожу к стене. В каменной кладке — вентиляционная щель. Узкая, в ладонь шириной. Я заметила её ещё вчера, когда составляла план комнаты. Решётка забита паутиной.

Прижимаюсь ухом к камню.

Голоса. Далёкие, но акустика подземелий работает на меня. Камень резонирует.

Два голоса. Мужской — отрывистый, командный. Стражник. Женский — тихий, ележный. Служанка.

— ...Владыка усилил охрану нижних ярусов. Пленника перевели в одиночную камеру.

— Матрона Зар'рет спрашивала о наземнице. Хотела знать, ест ли она. Спит ли.

— Передай Матроне: наземница ест. Спит. Дышит. Пока.

Смешок. Женский.

— Высшая Жрица говорит — Чаша осквернена. Власть короля стоит на плохом фундаменте. Жрицы ждут, когда фундамент треснет.

— Тише.

Шаги удаляются.

Я отлепляюсь от стены.

Сажусь на лежанку. Закрываю глаза. Анализирую услышанное.

Дайрона бояться. Матроны и Жрицы терпят его именно поэтому. Но терпение — ресурс конечный. Отбор для них — шанс посадить на трон свою дочь. Марионетку. Послушную куклу, которая отдаст власть прямиком в их руки.

Я — помеха. Чужачка без магии, без крови, без связей. Выбранная Чашей. Отмеченная Королём и орком одновременно. Для Жриц я — оскорбление. Для Матрон — мусор, который нужно вымести до начала игры.

Для Дайрона?

Вспоминаю его пальцы на моём запястье. Холод кожи. Расширенные на долю секунды зрачки.

Для Дайрона я — неизвестная переменная. Он пока не решил, что со мной делать.

Значит — решу за него.

Прятаться, как я делала три года с мужем, — путь в могилу. Здесь убивают быстрее. Яд в кубке и тварь в постели. Серая мышь долго не протянет.

Бежать некуда. Я под землёй. Без карты, без магии, без союзников. Тоннели ведут глубже. Поверхность — где-то наверху, за пластами камня. Даже если выберусь — там ждёт муж.

Остаётся одно.

Стать полезной.

Дайрон окружён врагами. Жрицы плетут заговоры. Матроны точат кинжалы. Каждая улыбка в тронном зале — ширма для удара в спину. Ему нужен кто-то, кого невозможно купить. Кого Матроны не завербуют, потому что ненавидят. Кто стоит вне системы.

Я.

У меня нет магии. Зато есть три года жизни с хищником. Я умею читать лица. Замечать микровыражения. Ловить фальшь в голосе. Чувствовать ложь кожей. Муж приучил меня к постоянному сканированию — каждый жест, каждый взгляд, каждая пауза. Для дроу я слепая. Для меня они — открытая книга.

Дайрону можно продать лояльность. Земной интеллект в обмен на защиту. Фигура на его доске — вместо пешки на чужой.

Выпрямляю спину.

Я больше не жертва. Хватит. Кира умерла в пещере. Киррас — играет.

Глубокий вдох.

Воздух в комнате меняется. Температура падает. Кожу покрывает изморозь — мелкая, колючая. В нос бьёт запах: морозная ягода, выдержанное вино, сладость и холод разом.

Я знаю этот запах.

Волоски на предплечьях встают дыбом. Сердце подпрыгивает к горлу.

Из угла, где балдахин отбрасывает густую тень, раздаётся голос.

— Ты слишком громко думаешь, Киррас. — Бархат, под которым спрятан клинок. — Или это страх так колотится в твоих венах?

Я оборачиваюсь.

Серебристые глаза горят в темноте.

Как долго Король Подземья находится здесь?

Глава 9

Я считаю вдохи. Один. Два.

— Давно вы здесь?

— Достаточно.

Дайрон выходит из тени. Медленно. Каждый шаг выверен, точен, рассчитан на то, чтобы заполнить собой пространство. Комната уменьшается. Стены сдвигаются. Воздух густеет.

Температура падает ещё на градус. Изморозь расплзается по каменной кладке — тонкие белые узоры, похожие на паутину. Его присутствие меняет саму материю подземелья.

Я стою. Спина прямая. Руки вдоль тела.

Дайрон останавливается посреди комнаты. Обводит взглядом порванный балдахин. Дыру в простыне. Баночку с мазью на столе. Серебристые глаза задерживаются на каждой детали — считывают.

— Хватает ли тебе подарков или хочешь ещё?

— Я предпочитаю цветы.

Уголок рта дёргается.

— У тебя забавная привычка, Киррас. — Он делает шаг. — Ты шутишь, когда боишься.

— Все шутят, когда боятся.

— Ты считаешь себя смелой?

— Я считаю себя живой. Пока этого хватает.

Дайрон склоняет голову. Серебристые пряди соскальзывают с плеча. Лицо — чистая геометрия. Скулы. Подбородок. Линия челюсти. Ни одного изъяна. Ни одной тёплой черты.

Красота, от которой хочется отдалиться.

Он делает ещё шаг. Запах усиливается — морозная ягода, выдержанное вино. Сладость и холод разом. Мой пульс ускоряется. Я контролирую лицо, но пульс мне неподвластен. И он это знает.

— Матроны вынесли решение, — произносит Дайрон. — Три голоса из пяти. Большинство. Они хотят тебя казнить до начала Отбора.

Я сглатываю. Горло сухое.

— За что?

— За существование. — Он рассматривает свои пальцы. Длинные, бледные, с чёрными ногтями. — Ты оскорбляешь Подземье фактом присутствия. Наземная кровь в священных стенах. Чаша выбрала тебя, и это делает тебя опаснее любого яда.

— Чаша — ваш артефакт. Я не причём.

— Именно. — Серебристые глаза находят мои. — Поэтому они и злятся. Чашу подготовили Жрицы. Каждая Матрона вложила каплю крови своей дочери в ритуал. Годы интриг. Десятилетия расчётов. А Чаша выбрала существо с поверхности.

Пауза.

— Ты — пощёчина всему Подземью, Киррас. Живое доказательство того, что их магия им не подчиняется.

Я делаю вдох. Три счёта. Выдох — три счёта.

— И вы пришли сообщить мне об этом лично.

— Мне любопытно, — говорит он.

— Любопытно.

— Как ты будешь барахтаться.

Он произносит это без злости. Без удовольствия. С интонацией учёного, наблюдающего за насекомым под стеклом. Я вспоминаю мужа. Тот тоже наблюдал — после вспышки, после удара. Садился в кресло, скрещивал руки и ждал. Ждал слёз. Мольбы. Ждал, когда я сломаюсь.

Я перестала ломаться на второй год.

— Вы не станете вмешиваться, — говорю я.

— Почему?

— Потому что я — ваша метка. Если Матроны убьют меня, они нарушат ваше право.

Дайрон замирает. На одно мгновение — короткое, как вспышка — что-то меняется в его лице. Потом маска возвращается.

— Метка Короля — собственность Короля, — говорит он. — Собственность можно уничтожить. Это тоже право.

— Вы бы уже уничтожили, если бы хотели.

Тишина.

Он сокращает расстояние. Шаг. Ещё шаг. Между нами — ладонь. Я чувствую холод, который исходит от его тела. Мурашки ползут по рукам.

— Ты дерзкая, — произносит он. — Для мусора.

— Если я лишь грязь на ваших сапогах, Владыка, — зачем вы лично пришли убедиться, что я всё ещё дышу?

Пальцы перехватывают мой подбородок.

Я вздрагиваю. Кожа Дайрона обжигает холодом. Кости отзываются ноющей болью — хватка жёсткая. Он разворачивает моё лицо к свету. Изучает.

Серебристые глаза — близко. Слишком близко. В радужке — вкрапления, похожие на трещины во льду. Зрачки вертикальные. Нечеловеческие.

— Страх, — говорит он тихо. Большой палец ложится на артерию под челюстью. — Покажи мне страх, Киррас.

Пульс бьётся под его пальцем. Частый. Загнанный. Я знаю — он считает удары. Знаю — он ищет трещину в моей маске. Муж искал то же самое.

Замораживаю лицо. Гашу глаза. Дыхание — ровное, глубокое. Тело — камень.

Палец Дайрона замирает на артерии.

Метка на ключице вспыхивает.

Жар проходит по телу волной — от горла до кончиков пальцев. Серебряные нити под кожей наливаются светом. Пол под ногами вибрирует. Гул поднимается из глубины камня, из породы, из корней подземелья. Низкий, утробный. Живой.

Дайрон отдёргивает руку.

Серебристые глаза распахиваются. Пальцы, только что сжимавшие мой подбородок, сгибаются в кулак.

Гул стихает.

Дайрон смотрит на меня. Иначе. Лёд в его глазах трескается — и под ним проступает что-то хищное.

— Что ты сделала? — Голос тихий. Опасно тихий.

— Ничего.

— Камень откликнулся. — Он делает полшага назад. Восстанавливает дистанцию. — Камень откликнулся на тебя, наземница.

Я молчу. У меня нет ответа, потому что я сама ощутила этот гул впервые. Кости вибрировали. Зубы звенели.

Дайрон выпрямляется. Маска возвращается — слой за слоем. Холод. Безразличие. Власть.

Только руки выдают. Пальцы до сих пор сжаты в кулаки.

— Голод камня, — произносит он. Почти про себя. — Старые свитки упоминают...

Он обрывает себя. Сжимает зубы.

— Матроны казнят меня, — говорю я. — Но если камень меня слышит... Это ведь меняет расклад?

— Ничего это не меняет.

— Тогда чего мне ждать?

Серебристые глаза сужаются. Я вижу, как работает его разум — быстро, расчётливо. Король пересчитывает фигуры на доске. Я стала другой фишкой. Минуту назад — пешка. Сейчас — неизвестная переменная.

Дайрон делает шаг вперёд. Наклоняется. Его дыхание — ледяное — касается моего лба.

— Запомни, Киррас. — Голос падает до шёпота. — Камень слышал многих. Подземье помнит их имена. Ни одно из этих имён больше не звучит в живых устах.

Он выпрямляется. Отступает. Тень в углу густеет, расползается — и принимает его, как вода принимает камень.

Исчезает.

Воздух теплеет. Изморозь на стенах тает. Капли стекают по каменной кладке.

Я опускаюсь на лежанку. Колени подгибаются. Руки дрожат. Позволяю себе десять секунд. Считаю. Потом — хватит.

Прижимаю пальцы к ключице. Метка пульсирует. Серебряные нити — ровно, мерно. Золотые — глуше, тяжелее. Где-то в нижних ярусах орк ворочает камни. Я чувствую его через метку — отголоском, тенью. Усталость. Ярость. Боль в стёртых запястьях.

Убираю руку.

Камень откликнулся на меня или мне показалось? На существо без магии, без крови, без права находиться здесь. Порода Подземья вздохнула, когда Дайрон коснулся моей кожи. Совпадение? Свойство метки? Или что-то ещё — что-то, чего Король узнал по старым свиткам и оборвал себя, чтобы не назвать вслух?

Я провожу ладонью по стене. Камень тёплый. Гладкий. Пальцы ощущают вибрацию — едва заметную, на грани восприятия. Будто стена дышит.

Убираю руку.

Дверь распаивается. Нури влетает в комнату. Все четыре руки прижаты к груди. Перепонки лихорадочно моргают.

— Госпожа!

Я поднимаюсь.

— Что случилось?

— Завтра. — Нури задыхается. Слова вылетают обрывками. — Приветственная Трапеза. Распорядитель объявил час назад. Все невесты. Матроны. Жрицы. Госпожа обязана присутствовать.

— Пир через три дня, — говорю я. — Лисаэль сказала — три дня.

— Перенесли. — Нури хватается ртом воздух. Нижние руки стискивают ткань на бёдрах. Верхние тянутся к ошейнику. — Матрона Зар'рет настояла. Собрание Домов утвердило. Завтра.

Я смотрю на Нури. На её дрожащие пальцы. На бегающие глаза. На ошейник, под которым ходит кадык.

— Это ведь казнь, — говорю я.

Нури замолкает. Перепонки застывают — полуприкрытые, влажные. Она смотрит на меня снизу вверх.

— Приветственная Трапеза, — повторяет она еле слышно. — Традиция. Каждую кандидатку проверяют за столом. Манеры. Стойкость. Знание ядов. Умение отличить отравленный кубок от безопасного.

— Мне незнакомы ваши яды. Ваши манеры. Ваш протокол.

— Именно.

Перепонки дрожат.

Я подхожу к столу. Беру кувшин. Наливаю воду в кубок. Пью. Ставлю.

— Сколько у нас времени?

Нури моргает.

— У нас?

— У нас, Нури. Ты носишь ошейник Короля. Если я умру за столом — ты отвечаешь.

Гхола бледнеет. Серая кожа становится пепельной. Пальцы впиваются в ошейник.

— До рассвета, — шепчет она. — Здесь нет рассвета, но гхола считают по каплям в водяных часах. Осталось четыреста капель.

— Тогда садись. — Я опускаюсь на лежанку. Хлопаю ладонью по камню рядом. — Расскажи мне всё. Каждый яд. Каждое блюдо. Каждую вилку. Как сидеть, как пить, как жевать. Кто где сядет. Кто подаёт. Кто наливает. Кто смотрит.

Нури стоит. Перепонки моргают. Все четыре руки висят вдоль тела.

Потом — медленно — она садится.

— Начнём с рассадки, — говорит Нури. — Госпоже нужно выжить до третьей перемены блюд. После третьей — Распорядитель объявляет здравицу Королю. Во время здравицы трапеза запрещена.

— А до третьей?

Нури смотрит на меня. Жёлтые глаза — ясные, сухие.

— До третьей — охота.

Я киваю. Складываю руки на коленях.

— Тогда научи меня охотиться.

Глава 10

Четыреста капель.

Нури говорит — я слушаю. Впитываю. Каждое слово ложится в память, как монета в копилку. Яды грибные — действуют через кожу. Яды минеральные — через слизистую. Яды магические — через взгляд. Рассадка определяет, кто наливает в твой кубок. Кубок берут правой рукой. Левая лежит на столе, ладонью вверх — знак открытости. Спрятанная левая рука — оскорбление, равное плевку.

— Третья перемена — рыба из подземных рек, — бормочет Нури. — Подают в раковинах. Раковину вскрывают сами. Если рыба светится — безопасна. Если тусклая — яд впитался в мясо.

Я киваю.

— Грибной нектар наливают из общего сосуда. Отказаться — оскорбление. Пригубить и поставить — допустимо. Осушить до дна — вызов.

Я киваю снова.

— Если Матрона поднимает кубок в твою сторону — это приглашение к тосту. Ответить обязана. Промедление — слабость. Слабость — приговор.

— А если яд в кубке?

Нури замолкает. Перепонки моргают.

— Тогда госпожа умрёт вежливо.

Триста капель.

Двести.

Нури уходит.

Я сижу на лежанке. Прижимаю ладони к коленям. Пальцы ледяные. Голова работает.

Кира.

Имя звучит в голове — мягкое, округлое. Домашнее. Имя женщины, которая варила кофе по утрам. Которая гладила рубашки мужа, складывая их стопкой в шкаф. Которая выучила, в какой последовательности расставлять тарелки на столе, чтобы избежать скандала. Которая три года засыпала, считая синяки.

Кира сюда бы села и заплакала.

Я сжимаю кулаки.

Киррас.

Резкое. Рваное. Согласная на конце, как щелчок замка. Так произносил Дайрон — сквозь зубы, роняя имя, будто монету на каменный пол. Так шипела дочь Жрицы. Так прошелестела Нури.

Киррас. Существо, которое убило ядовитую тварь башмаком. Которое улыбнулось семи хищницам и показало метку. Которое выдержало взгляд Короля и ответило дерзостью на угрозу.

Кира умерла в пещере. В тот момент, когда свет поверхности погас за спиной и темнота сомкнулась. Я похоронила её там, среди камней и корней, между двумя мирами.

Киррас — играет.

И Киррас — выживет.

Замок скрежещет.

Я выпрямляюсь. Руки на коленях. Лицо — маска.

Нури входит бочком. В верхних руках — поднос, накрытый тканью. Нижние прижаты к бёдрам. Она семенит к столу. Ставит поднос.

— Еда для госпожи.

Я смотрю на поднос. Ткань — чёрная, плотная. Из-под неё ничем не пахнет. Ни мясом, ни кореньями, ни лепёшками.

Нури стягивает ткань.

На подносе — книга и кинжал.

Книга — толстая, переплетённая в кожу с тиснением. Корешок потёрт. Страницы пожелтели. На обложке — символ: чаша, обвитая змеей.

Кинжал лежит рядом. Рукоять из чёрной кости — матовая, гладкая, идеально лежащаяся в ладонь. Я вижу это, ещё не прикоснувшись. Лезвие узкое. По металлу бегут руны — мелкие, почти невидимые. Они мерцают в тусклом свете, будто дышат.

Между книгой и кинжалом — полоска пергамента. Я поднимаю её. Почерк — размашистый, угловатый. Буквы дроу вытянуты вертикально, похожи на трещины в породе.

Нури переводит.

— «Его имя — Клык Бездны. Защищай себя сама. Постарайся не затупить его о чужие кости».

Я просматриваю глазами. Нури повторяет. Слово в слово.

Подписи нет.

Беру кинжал. Рукоять ложится в пальцы — точно. Как будто вырезана по моей руке. Лезвие ледяное. Руны мерцают ярче от прикосновения.

Кладу обратно.

Смотрю на Нури.

— Кто передал?

Нури прижимает все четыре руки к животу.

— Поднос стоял у двери. Стража пропустила. Стража пропускает только то, что приказал...

Она замолкает. Перепонки моргают.

— ...Король.

Я снова беру кинжал. Взвешиваю в ладони. Лёгкий. Сбалансированный. Оружие для того, кто знает, куда бить.

Кладу его на край стола. Открываю книгу.

Страницы исписаны мелким почерком. Рисунки — грибы, минералы, насекомые. Рядом с каждым — описание. Я не читаю на языке дроу. Я различаю картинки. Но я должна научиться читать.

— Нури. Переведи.

Гхола наклоняется над страницей. Водит пальцем по строкам.

— «Гриб бледный, растёт на нижних ярусах. Споры вызывают паралич лицевых мышц. Жертва теряет способность говорить. Действует через четверть склянки после попадания в желудок. Противоядие — сок каменного корня, принятый заранее».

Я слушаю. Запоминаю. Следующая страница.

— «Пепел лунной жабы. Порошок. Растворяется в вине. Вкус маскируется грибным нектаром. Вызывает остановку дыхания через половину склянки. Противоядия нет».

Следующая.

— «Игла гнева. Минеральный яд. Наносится на край кубка. Впитывается через губы. Вызывает вспышку ярости, жертва нападает на ближайшего и погибает от рук стражи. Удобен для устранения без прямого подозрения».

Я листаю. Нури переводит. Страница за страницей. Яд за ядом. Грибы. Минералы. Насекомые. Жидкости. Порошки. Газы. Контактные. Ингаляционные. Замедленного действия. Мгновенные.

В мире дроу этикет — способ убийства. Рассадка — стратегия. Тост — атака. Кубок — оружие.

Мне понятны правила.

Муж приучил меня к другому виду ядов. К словам, которые разъедали изнутри. К тишине, которая давила. К улыбкам за ужином, когда гости уходили и начиналось настоящее. Разница — форме. Суть та же. Выживает тот, кто видит яд до того, как он коснулся губ.

Сто капель.

Нури охрипла. Я отправляю её за водой. Пока она ходит — держу кинжал. Провожу пальцем по плоскости лезвия. Руны мерцают — голубым, белым, снова голубым. Металл тёплый. Живой.

Клык Бездны.

Дайрон дал мне оружие.

Я останавливаюсь на этом. Проворачиваю мысль. Смотрю на неё с разных сторон.

На Земле муж забирал. Ключи от машины — на третий месяц. Банковскую карту — на пятый. Телефон проверял каждый вечер. Подруг отсек одну за другой. Родителям я звонила при нём, по расписанию. Он выстраивал клетку методично. Прут за прутом.

Здесь — Король Подземья, существо из темноты и льда, вкладывает мне в руки кинжал. Артефакт. Признаёт моё право защищаться.

Парадокс. Чудовище дроу оказывается щедрее человеческого мужа.

Нури возвращается с водой. Продолжаем.

Пятьдесят капель.

Книга прочитана наполовину. Я знаю двадцать три яда. Узнаю в лицо четырнадцать грибов. Могу отличить отравленный кубок по цвету осадка на стенках — мутный для сильфиума, маслянистый для лунной жабы.

Память у меня всегда была на высоте. Это моё наследство от отца.

Нури зевает. Перепонки смыкаются медленно, лениво.

— Госпожа должна выбрать платье.

Я поднимаюсь. Подхожу к шкафу. Нури открывает дверцы.

Шёлк. Бархат. Прозрачная ткань, сотканная из грибных нитей. Платья висят рядами — тёмные, с открытыми плечами, с глубокими вырезами. Дроу обнажают кожу. Демонстрируют магические узоры на теле. Каждый рисунок — история рода, ранг, сила. Спрятать тело — спрятать статус. Для них это трусость.

Я перебираю ткани. Пальцы скользят по шёлку. Останавливаюсь.

В глубине шкафа — платье. Чёрное, длинное. Ворот поднимается до самого горла. Рукава до запястий. Ткань плотная, матовая. Ни единого выреза.

Нури замечает мой взгляд.

— Траурное, — говорит она. — Его надевают на похороны Матрон. Госпожа выберет другое.

— Госпожа выберет это.

Нури моргает. Все четыре руки повисают.

— Закрытое платье на Приветственной Трапезе... Госпожу засмеют. Госпожу сочтут дикаркой.

— Пусть.

— Невесты покажут узоры. Дочь Жрицы обнажит плечи и спину. Каждая линия на их коже — вызов, демонстрация мощи. А госпожа придёт замотанная по горло. Как...

— Как наземница, которая ничего не понимает в местных обычаях. — Я снимаю платье с крючка. — Скрытая угроза — траур по Матронам.

Прикладываю к телу. Ткань тяжёлая. Падает ровными складками до пола. Ворот закрывает ключицу полностью. Метки — обе — исчезают под чёрной тканью.

Нури смотрит. Перепонки моргают.

— А если Матроны увидят закрытое горло и решат, что госпожа стыдится.

— Матроны увидят закрытое горло и будут гадать. — Я разглаживаю ткань на плечах.
— Гадать — значит бояться. А бояться — значит ошибаться.

Нури молчит. Потом — тихо:

— Госпожа учится быстро. Мне нравится госпожа.

Я вешаю платье на спинку стула. Рядом кладу кинжал. Клык Бездны мерцает в полумраке. Траурное платье свисает до пола.

Оружие и доспех.

Ложусь. Закрываю глаза.

Засыпаю мгновенно. Тело забирает своё.

Просыпаюсь от боли.

Ключица горит. Золотые нити под кожей раскалены — я чувствую каждую линию, каждый изгиб узора. Серебряные пульсируют ровно, спокойно. Золотые — бьются. Рвутся. Кричат.

Я сажусь. Прижимаю ладонь к груди. Жар прожигает ткань рубахи.

Орк.

Образы врываются в голову. Кулак — в челюсть. Тело отлетает к стене. Цепи натягиваются, рвут кожу на запястьях. Второй удар — в рёбра. Третий. Четвёртый. Он падает на колени. Кровь заливает левый глаз. Сквозь правый — лицо надсмотрщика. Ухмылка. Занесённый сапог.

Боль прошивает мне бок. Я сгибаюсь. Хватаю ртом воздух.

Это его боль. Его рёбра. Его кровь. Метка транслирует каждый удар. Я принимаю их в собственное тело — эхом, тенью, но тело откликается по-настоящему. Мышцы сводит. Кожа горит.

Стискиваю зубы. Три счёта на вдох. Три на выдох. Отсекаю чужую боль слой за слоем. Вода. Тёмная вода подземного озера. Тишина камня.

Дышу. Вытираю пот со лба. Руки трясутся.

Поднимаюсь. Подхожу к стулу. Беру платье.

Одеваюсь. Ткань ложится на тело — тяжёлая, прохладная. Ворот смыкается у горла. Метки исчезают. Я провожу ладонями по бокам. Разглаживаю складки.

Кинжал. Клык Бездны. Я прикрепляю ножны к поясу — под тканью, у бедра. Лезвие прижимается к ноге сквозь слой шёлка.

Нури влетает. Корзина в верхних руках. Гребень, шпильки, баночка с чем-то тёмным.

— Госпожа бледная, — выдыхает она. — Глаза красные. Губы...

— Приведи в порядок.

Нури работает быстро. Гребень проходит по волосам. Шпильки фиксируют пряди. Тёмная субстанция ложится на веки — маскирует красноту. Я сижу. Смотрю в отполированную каменную пластину, заменяющую зеркало. Лицо — бледное пятно в чёрной рамке ворота.

Годится.

Дверь распахивается.

Я оборачиваюсь. Нури отпрыгивает. Гребень падает на пол.

Король.

Он стоит в дверном проёме. Заполняет его собой — плечи, рост, тень, которая стелется по полу впереди хозяина. Чёрный камзол. Серебряные застёжки. Волосы собраны. Скулы. Челюсть. Серебристые глаза.

Король пришёл лично.

Нури падает на колени. Все четыре руки — к полу. Лоб — к камню.

Дайрон входит. Один шаг. Два. Взгляд проходится по мне — сверху вниз. Задерживается на вороте. На закрытых плечах. На длинных рукавах.

Уголок губ дёргается. Я ловлю микродвижение. Он удивлён. Или развлекается.

— Траур, — произносит он. — По кому скорбишь, Киррас?

— По себе прежней.

Пауза.

Дайрон обходит меня. Медленно. Шаг за шагом — подошвы едва слышно касаются камня. Я ловлю его дыхание за правым плечом. Кожу покрывает изморозь. Запах морозной ягоды заполняет комнату — густой, тягучий, слишком близкий.

Король останавливается за моей спиной. Стоит так близко, что я чувствую холод, исходящий от его тела. Волоски на шее встают дыбом.

Метка вспыхивает.

Золотой жар — резкий, внезапный. Орк. Где-то далеко, в нижних ярусах, его снова бьют. Или он вспоминает прежние удары. Метка откликается — пульсирует под тканью платья. Я стискиваю зубы. Контролирую дыхание. Три счёта.

Ладонь ложится на мою спину.

Ещё одна метка — серебряная — отзывается мгновенно.

Всё горит огнём.

Я замираю. Пальцы Дайрона — ледяные сквозь ткань — находят точку. Там, где под чёрным шёлком бьются два узора в одной метке. Он чувствует жар через слой материи. Ладонь прижимается плотнее. Дыхание Дайрона касается моей шеи.

Холод его кожи встречается с огнём. Два ощущения сталкиваются в моём теле. Золотой жар борется, но силы не равны. Серебряные нити отзываются на прикосновение Короля — вибрируют, тянутся навстречу. Боль гаснет. Что-то другое занимает её место — тяжёлое, тёмное, тянущее вниз живота.

Дайрон обходит меня, не убирая ладони и медленно ведёт ладонью вверх. По позвоночнику — позвонок за позвонком. Ткань шуршит под его пальцами. Я перестаю дышать. Ладонь останавливается между лопаток. Задерживается. Большой палец находит выступ позвонка — и поглаживает его.

Убирает руку.

Обходит меня снова. Каждый шаг отмерен. Встаёт лицом к лицу. Серебристые глаза — близко. Зрачки расширены. Взгляд скользит по моему лицу — лоб, скулы, губы. Задерживается на губах. На секунду дольше, чем нужно.

— Ты вся горишь, Киррас. — Голос тихий. Бархат и лезвие. — Чьё имя сейчас пульсирует в твоей крови?

Я смотрю ему в глаза. Считаю вдохи. Один. Два.

Дайрон наклоняет голову. Чуть вбок. Изучает меня, прежде чем решить мою судьбу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.